

Иван Ильич и патриарх Авраам: опыт сравнения жизни и смерти

В. Ю. Ирхин

На основе повести «Смерть Ивана Ильича» и других произведений Л.Н. Толстого, а также древнего апокрифического текста «Завещание Авраама» обсуждается тема смерти. В комментариях анализируются ошибки, которые слишком легко допустить на этом важнейшем этапе духовного пути. С другой стороны, общение со смертью способно стать благом, а победа над ней дает возможность спасения.

1. Данная статья основана на неопубликованных подготовительных материалах к книгам из цикла «Посеянное в тернии»¹. Ее проблематика связана с последней (двенадцатой) главой повести Толстого «Смерть Ивана Ильича». Эта глава рассказывает о событиях трех последних дней жизни Ивана Ильича, когда он по существу остается *один*, и особенно богата символикой – как образной, так и числовой (в особенности троичной). Много здесь остается за кадром и требует расшифровки. Чтобы понять, что же на самом деле произошло в то время, необходим анализ внутренних архетипических переживаний умирающего, которые повесть описывает только через скупые внешние признаки.

Не давая подробного обзора мировой литературы, отметим лишь, что тема смерти широко представлена в различных течениях российской и (несмотря на цензурные ограничения) советской философии². Здесь за разъяснением труднейших вопросов бытия стало традиционным обращаться к великой русской классике, в том числе к творчеству Толстого.

Как наиболее близкий к методологии нашей статьи можно назвать экзистенциальный подход Л. Шестова. Этот выдающийся русский философ посвятил «Смерти Ивана Ильича» много места в трактате «На весах Иова», а также неожиданно соединил и противопоставил фигуры Толстого и «иррационального философа» и «имморалиста» Ницше (книга «Добро в учении графа Толстого и Ф. Ницше. Философия и проповедь»). Этот подход (в свою очередь, продолжающий линию бл. Августина, Лютера, Паскаля, Кьеркегора³) ставит во главу угла откровение св. писания, а не рационально-этические рассуждения.

¹ В.Ю. Ирхин, И.А. Пронин, изд-во Уральского ун-та, Екатеринбург, 2003-2004, http://lit.lib.ru/i/irhin_w_j

² И.Д. Панцхава. Человек, его жизнь и бессмертие, М.: Политиздат, 1967

И.Т. Фролов. О смысле жизни, о смерти и бессмертии человека». М., 1985

Ю.И. Мирошников. Смыслообразующая роль смерти в жизни человека // Основания индивидуального бытия, под ред. И.Я. Лойфман. Екатеринбург, 2002. С.167.

³ Линию Шестова продолжает и книга: П. П. Гайденоко. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М., Республика, 1997.

Кроме того, при анализе возникающих символов также очень полезен дискурс Ю.М. Лотмана⁴. Семиотический подход позволяет опираться при их раскрытии на различные тексты (в том числе стихотворные, где текстовая плотность наиболее велика), причем не обязательно связанные исторически и географически. Внутренняя реальность человека гораздо более сложна и многосвязна, чем «реальный» проявленный мир.

2. Через этапы умирания проходит всякий человек. При этом для него последовательно теряются привычные этические категории и возникают новые запредельные смыслы, что обуславливает определенную эмоциональную скупость (даже жесткость) комментария, усложнение логических связей и субъект-объектных взаимоотношений.

Особый упор мы сделаем на активную позицию в отношении со смертью, которая придает происходящему высокий смысл. Эта традиция развивалась как на Западе – начиная с мистериальных традиций и философских поисков античных времен, так и на Востоке – в духовных учениях индубуддийской традиции, особенно близких Толстому на поздних этапах его духовной эволюции, и в различных практических течениях йоги. Последний практический аспект также будет важен для нас, поскольку мы имеем дело со внутренней реальностью, которая выступает на первый план в процессе умирания. Этими состояниями надо учиться овладевать и управлять.

Человек умирает только раз в жизни, и потому, не имея опыта, умирает неудачно. Человек не умеет умирать – смерть его происходит ошупью, в потемках. Но смерть, как и всякая деятельность, требует навыка. Надо умирать благополучно, надо выучиться смерти. А для этого необходимо умирать еще при жизни, под руководством людей опытных, уже умиравших. Этот-то опыт смерти и дается подвижничеством. В древности училищем смерти были мистерии. У древних переход в иной мир мыслился: либо как разрыв, как провал, либо как восхождение. В сущности, все мистерийные обряды имели целью уничтожить смерть как разрыв. Тот, кто сумеет умереть при жизни, не проваливается в Преисподнюю, а переходит в иной мир. Посвященный не увидит смерти – вот затаенное чаяние мистерий.⁵

Смерть – непреодоленные состояния своей обреченности, которые нужно пройти вовремя и сознательно – еще при жизни, не дожидаясь, когда тебя вынудят к этому. Иначе твои беспорядочные перерождения будут продолжаться вечно. Жизнь вечная определяется этой земной жизнью – и наоборот, о чем сказал великий немецкий поэт:

И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой.
(Гете. Блаженное томление⁶)

Смерть сама может стать победой. В христианстве смерть при жизни и новое рождение связаны с крещением, которое осуществляется не только водой, но и кровью (1

⁴ Ю.М. Лотман. Смерть как проблема сюжета // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 417

⁵ П. Флоренский. “Не восхищение непщева” //Соч. в 4-х томах. М.: Мысль, 1996. Т.2. С.167

⁶ Собр. соч.в 10 т., М., Худ. Лит., 1975, Т.1. С.332

Иоан.5:6). Чтобы родиться заново, нужно вначале умереть. О смерти при жизни - смерти для греха, сораспятии, смерти и воскресении с единым Христом – говорится в новозаветных посланиях ап. Павла.

Тот, кто хочет победить смерть, должен подойти к ней лицом к лицу. Абсолютное препятствие в своей судьбе можно уничтожить, пережив смерть и миновав промежуточное состояние *бардо*, описанное в Книгах Мертвых. В этом состоянии перед человеком в быстром темпе проходят события его жизни:

Пред смертью жизнь мелькает снова,
Но очень скоро и иначе.
И это правило — основа
Для пляски смерти и удачи.
(В. Хлебников⁷)

Чтобы спастись, нужно пройти через все действия, возможные в мире людей и описанные в сакральных текстах. Работая с писаниями, можно научиться выбирать себе перерождения – хоть на завтрашнее утро, хоть на будущую жизнь.

Те, кто говорит, что умрут сначала и воскреснут – заблуждаются. Если не получают сначала воскресения, будучи еще живыми, [то], когда умирают, не получают ничего (Евангелие от Филиппа 90).⁸

Спасение как процесс происходит в этом мире – *там* им уже заниматься не будешь, но результаты получаются в форме иного мире. Что здесь, то и там, что сзади, то и впереди... Победа над смертью, то есть пустотой неведения, тревогой и страхом должна быть достигнута здесь и сейчас.

3. Тема смерти мучила Толстого долгие годы и привела его к ряду духовных кризисов. Именно поэтому он смог глубоко проникнуть в нее и сказать много важного. В отличие от автора, герой толстовской повести, Иван Ильич, жил добропорядочной и приличной жизнью, выполняя свои социальные функции. Он не задумывался о вечных проблемах, пока смерть вплотную не подступила к нему и он не остался с ней наедине, лицом к лицу. Теперь возврат к прошлому невозможен: начинается новое бытие, где необходимо пересмотреть все свое существование (об этом подробно пишет Л. Шестов в книге «На весах Иова»). Эту задачу Иван Ильич должен решить в короткие сроки.

Для анализа «Смерти Ивана Ильича» мы обратимся к текстам библейской традиции. Хотя Толстой многое не принимал в Библии, даже в Евангелии (он пытался выделить как самое важное этический аспект и отбросить «лишнее»), подсознательно она оказывала на него сильное влияние, как и на всю русскую литературу.

Многие еврейские и христианские апокрифы рассказывают о смерти Моисея, других пророков и праведников. Далее мы прокомментируем «Завещание Авраама» – древний

⁷ Творения. М., Советский писатель, 1987, С. 99

⁸ Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии/М.: Мысль, 1989, С.287

апокриф, рассказывающий о смерти патриарха (его оригинальный текст⁹ выделен курсивом). Этот текст датируется около II в. н.э. и обычно относится к вошедшему в народную традицию апокалиптического жанру, поскольку включает картины разрушения целого мира (или, что глубже, внутреннего мира человека). Несмотря на кажущийся повествовательно-литературный характер, он содержит глубокие религиозные смыслы, рассказывая о судьбах героев священного писания.

Мы используем «Завещание» как связующую нить для истолкования толстовских произведений о смерти. Для нас будет наиболее важным его личное звучание: в нем подводится черта в отношениях патриарха Авраама с Богом (согласно Библии – его Другом, заключившим с ним завет-договор и вступившим в личное общение).

Авраам в еврейской (особенно каббалистической) традиции – не только исторический библейский герой, но и предсуществующий создатель мира, главный партнер Всевышнего в творении и функционировании Вселенной, а с другой стороны – образ всякого человека-Адама. Особенно это относится ко всякому человеку, ищущему высшую истину. С ним ведет постоянный диалог и борьбу Бог (разумеется, пребывающий внутри человека). В эту схему вписываются и герои эпосов и сакральных текстов, ищущие решения загадки смерти, и персонажи Льва Толстого.

Дети Авраама дали начало всем трем авраамическим религиям, составляющим триединство. Апостол Павел в послании к Галатам говорит о двух завещаниях-заветах, сопоставляя их с земным и небесным Иерусалимом, с синайским законом и благодатью, с плотью и духом, с двумя женами Авраама, с его двумя сыновьями: «Мы, братия, дети обетования по Исааку» (Гал. 4:28). Есть и третий завет – завет Духа, который напряженно искали средневековые европейские мистики и русские философы Серебряного века.

Судьба патриарха Авраама может быть сопоставлена также с судьбой самого Толстого прошедшего в своей духовной эволюции ряд этапов – вольной жизни в юности, счастливой семейной жизни и литературного творчества, мучительных нравственных поисков, религиозного обращения и проповеди, ухода из дома...

Дошла и до него общая всем, неумолимая смерти горькая чаша и скрытый жизни предел. Тогда Господь Бог, призвав к Себе архангела Своего Михаила, сказал ему: «Сойди, Михаил архистратиг, к Аврааму и скажи ему о смерти, чтобы распорядился он о делах своих, ибо благословил Я его, как звезды небесные и как песок на берегу морском, и счастлив он многим именем и многим имуществом, и богат весьма; превыше же всего праведен он всяческой добродетелью, гостелюбив и братолюбив, как только возможно... Возвести ему о смерти его, и сообщи ему достоверно: “Предстоит тебе в час сей изойти из суетного мира сего, выйти из тела, и отправившись ты с миром к Владыке твоему”».

⁹ см.: Апокрифические апокалипсисы. СПб, Алетейя, 2000, с. 156-184

Каждый человек выстраивает с Богом, дающим жизнь и умерщвляющим (Втор.32:39), непростые отношения, которые должны проясниться перед смертью. Тогда же ставятся главные вопросы: что было главным в жизни, и что человек способен забрать с собой? В Библии есть разные ответы на них – от кажущегося пессимизма и фатализма книги Экклезиаста до активной евангельской позиции, призывающей брать Царство Божие силой (Мф.11:12).

Всякий человек – царь и господин своего внутреннего мира. Коллективная общность людей (символически еврейский народ) персонифицируется в Аврааме, который по *договору* (завету) владеет всеми богатствами земного мира. Напротив, как говорят откровения мистиков, трансцендентный Бог является *нищим*.

Кто самый бедный – Бог. Гляди – он бос и наг:

Поэтому и ты божественен, бедняк.

(Ангелус Силезиус¹⁰)

Бог беден и неопределим, все многообразие земных законов (в том числе человеческой этики) находится у Авраама-творца.

Период чувственных форм должен быть закончен, когда об этом заявляет неумолимая воля Бога (так чувствуют и герои Толстого, к которым подступает смерть). Авраам больше не нужен Ему и может умереть, отдав перед этим все свои накопления – не только материальные, но и духовные. «При скончании дней жизни твоей и при смерти передай наследство» (Сирах 33:24). «Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, потому что завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив» (Евр. 9:16-17). Однако и Авраам упорно гнет свою линию, добиваясь исполнения обетований согласно однажды заключенному завету.

Отойдя же от лица Божьего, сошел архистратиг к Аврааму, к дубраве Мамре, и нашел праведного Авраама в поле, сидящим подле подъяремных быков, возделывавших землю, с сыновьями Масековыми и другими слугами числом двенадцать.

Авраам возглавляет пахоту (символически – пахоту закона, заповеданную еще Адаму как земное служение), где трудятся двенадцать колен Израиля – избранного народа. Этап закона включает обычную жизнь, полную мирских забот. В определенное время Бог решает прекратить этот процесс.

Авраам же сказал архистратигу: “Радуйся, достопочтеннейший воин, солнцеликий и прекраснейший превыше всех сынов человеческих, добро пожаловать! Вот почему хочу спросить тебя: откуда явился цвет юности твоей? Научи меня, просителя твоего, откуда, из какого войска и от какого пути явилась сюда краса твоя?”

Посланник Бога и проводник Его воли Михаил (покровитель рыболовов-апостолов) – бестелесная ипостась (зеркальное отражение) вознесшегося Христа. Евангельские события относятся к его *юности*. Михаил приходит к Аврааму в воздаяние за

¹⁰ Херувимский странник. Спб., Наука, 1999, С.71

жертвоприношение Исаака (Сына). Христос предстает перед каждым человеком изнутри, в своем облике, иногда самом неожиданном – не только как учитель нравственности, которым видел его Толстой в своих религиозных трактатах.

Архистратиг же сказал: “Иду я, праведный Авраам, из великого града, послан великим Царем сообщить участь друга истинного Его: призывает Царь его к Себе”. И сказал Авраам: “Пойдем, господин мой, со мной на поле мое”. И говорит архистратиг: “Иду”. Придя же на поле, где шла пахота, остановились они для беседы.

Первый раз архангел сообщает Аврааму о предстоящей смерти. Тот сразу узнает архангела, но, заподозрив неладное, не подает вида. Вместо того, чтобы подчиниться, Авраам приглашает его на *поле закона*, где намерен найти себе защиту.

4. Теперь мы обратимся к умирающему Ивану Ильичу в кругу семьи (12 глава повести¹¹).

В это самое время гимназистик тихонько прокрался к отцу и подошел к его постели. Умирающий все кричал отчаянно и кидал руками. Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистик схватил ее, прижал к губам и заплакал.

В это самое время Иван Ильич провалился, увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить. Он спросил себя: что же «то», и затих, прислушиваясь. Тут он почувствовал, что руку его целует кто-то. Он открыл глаза и взглянул на сына. Ему стало жалко его. Жена подошла к нему. Он взглянул на нее. Она с открытым ртом и с неотертыми слезами на носу и щеке, с отчаянным выражением смотрела на него. Ему жалко стало ее.

«Да, я мучаю их, – подумал он. – Им жалко, но им лучше будет, когда я умру». Он хотел сказать это, но не в силах был выговорить. «Впрочем, зачем же говорить, надо сделать», – подумал он. Он указал жене взглядом на сына и сказал:

– Уведи... жалко... и тебя... – Он хотел сказать еще «прости», но сказал «пропусти», и, не в силах уже будучи поправиться, махнул рукою, зная, что поймет тот, кому надо.

На последнем пути человека сопровождают родные, которые делают все, чтобы помочь ему, но могут они мало... Рядом с Авраамом – его верная жена Сарра и сын Исаак.

И побежал Исаак, и поклонился, и пал к ногам бесплотного. И бесплотный благословил его и сказал: “Дарует тебе Господь Бог обетование, какое возвестил отцу твоему Аврааму и семени его, дарует же тебе и драгоценное благословение отца твоего и матери твоей”.

Михаил пытается похоронить Авраама юридически, закрыв все его счета, передав все наследство и полномочия новому поколению – продолжающему жить Исааку. Исаак – земной прообраз Христа, сын, однажды принесенный отцом в жертву на горе Мориа...

Сказал тут Авраам Исааку: “Дитя Исаак, зачерпни воды из кладезя и принеси мне в сосуде, дабы могли мы омыть ноги человеку сему, гостю нашему: утомился он, придя сюда после долгого пути”.

Исаак совершает обряд крещения, обращаясь к женской мудрости (источнику-колодцу) и переходя ко *второму* этапу – христианской благодати, которая символизируется водной стихией. Но, как мы видим, и в ней Иван Ильич не находит утешения и спасительной истины.

Сотряслась тут утроба Авраамова, и восплакал он над странником. Когда же увидел Исаак отца своего плачущим, восплакал и он. И архистратиг, как увидел

¹¹ Здесь и далее цит по: Собр. соч. в 22 т. М.: Худ. лит., 1978. Т.12. 1982. С.106-107

плачущими их обоих, сам стал плакать с ними, и падали слезы архистратига в сосуд, в воду, взятую для омовения, и делались камнями драгоценными. Видя же чудо то и подивившись, собрал Авраам украдкой те камни и скрыл тайну, один удержав сие в сердце своем... И достав из одежд, дал он их Сарре.

И на этой стадии Авраам утаил высшие истины *плеромы* (полноты закона и бытия) – символически составные части тела Христа, результаты христианского учения, - а не поднес их Богу. Эти жемчужины-семена вначале попадают в сосуд (еще один женский символ, чашу Грааля), а затем поступают к Сарре, которая глотает их и сохраняет в своем лоне. *Тридцать сребренников* Иуды брошены на поле *церкви*, земной силы (Зах.11:12-13).

У мужчины и женщины разные задачи в мире и даже разные миры: она обладает силой и благодатью, но ей недоступен суровый мужской закон. Это ведет к семейным драмам – так было у Льва Николаевича и Софьи Андреевны, которая оказывала ему неоценимую помощь и поддержку в быту и художественном творчестве, но не понимала и не принимала его духовных поисков.

И сказал Авраам Исааку, сыну своему: “Пойди, сын мой возлюбленный, в комнату, где мы вкушаем пищу, и придай ей праздничный вид. Приготовь для нас там два ложа: одно – мне, другое – человеку сему, нашедшему у нас сегодня приют. Поставь для нас там скамью на двоих, поставь светильник и стол, не жалея всего самого лучшего. Укрась жилище, чадо: расстели ткани тонкие, пурпур и виссон, воскури все славные и ценные благовония, принеси трав душистых из сада, наполни ими дом наш, зажги семь двойных светильников, дабы возвеселились мы”.

Авраам своей волей и властью организует христианскую тайную вечерю – брачный пир в Царстве Небесном – и оформляет ритуал домашней церкви, инструменты и символы которого здесь перечислены. *Светильники* означают христианская премудрость. Согласно Библии, на упомянутое ложе вместе с патриархом Авраамом призваны возлечь все народы. Свой религиозный синтез был и у Толстого...

Архангел возвращается к Богу, не в силах говорить о смерти с праведником, но Бог посылает его снова.

И начал кричать Исаак... И, войдя, обвил руками шею его и стал плакать громким голосом. Сотряслась тут утроба Авраамова, восплакал и он с ним громким голосом.

Второе напоминание о смерти – апокалиптическое пророчество, которое через самого Христа возвещает прекращение старого мира, начало судных дней. Однако Авраам отважно отказывается умирать и предоставляет Михаилу, не имеющему никакой власти над ним, самому разбираться с Богом.

5. *Сказал же Бог архистратигу Михаилу: «Еще раз пойдя к другу Моему Аврааму и так скажи ему: “Сие есть воля Господа Бога твоего, приведшего тебя в землю обетованную... Что же ты противишься Мне и что печалишься, скажи?.. Или не знаешь, что со времен Адама и Евы все умерли? И ни один из пророков не избежал смерти, и ни один из правителей не бессмертен, и ни один из праотцев не избежал тайны смерти – все умерли, все примирились с адом, всех пожинает серп Смерти. К тебе же не*

посылал Я Смерть... но для доброго увещевания направил к тебе Моего архангела Михаила, чтобы узнал ты о переходе своем из мира и сотворил распоряжение о доме твоём и обо всем, что есть у тебя, и чтобы благословил ты Исаака, сына твоего возлюбленного”».

Борьба за жизнь продолжается. Бог ссылается на завет с Авраамом и требует от него составить завещание и отдать утаенные сокровища (в том числе духовные!) сыну, чтобы перейти к следующему этапу мирового действия. О небесных блаженствах речи уже нет, звучат угрозы адом, который, как выясняется, на самом деле ожидает всех (!) праведников – Бог оберегает их от мучений лишь до времени.

Для самого Толстого переход от закона к христианской благодати, от Ветхого завета (и ветхого человека) к Новому оказывается трудным шагом. Праведность по закону остается для него важнейшей ценностью, и он готов ее всячески совершенствовать. Но с точки зрения Библии высочайшие этически-нравственные учения – будь то западные (Кант) или восточные (Будда) являются человеческими...

Архангел опять обращается к Аврааму – наступает *третье* действие, когда произносятся слова преданности и любви.

Тогда, поднявшись, припал благочестивый и праведный Авраам со многими слезами к ногам бесплотного и умолял его, говоря: “Прошу тебя, архистратиг вышних сил... сослужи службу – донеси еще единожды слово мое до Всевышнего и скажи Ему так: Владыко Господи, услышь мольбу мою, ибо еще пребывая в теле, хочу увидеть я всю вселенную и творения все, какие создал Ты, Владыко, единым Словом”.

Несмотря на внешние проявления преданности, Авраам хладнокровно ставит свои условия. Как и библейский Енох, он хочет попасть живым на небо и познать все божественные тайны, чтобы пополнить свои сокровища и на этой стадии. Бог вынужден согласиться и посылает Аврааму небесную херувимскую колесницу (Иез.1).

Ной, Авраам, Иов, Енох – праведные люди; на самом деле это одно и то же лицо, но на разных этапах священной истории. Вначале они боялись выражать свою волю, но теперь стали смелее. Тайновидец Енох (герой ряда древних книг, содержащих апокалиптические пророчества) – Авраам, совершающий путешествие в третьей части и познающий все тайны Царства небесного. Он обозрел все миры и воочию увидел пифагорейскую гармонию сфер.

И стал подниматься Авраам на колеснице надо всею вселенной, и взирает на мир, каким он был в тот день: одни люди пахут, другие правят волами, в одном месте пасут скот, в другом – танцуют и веселятся, поют и играют, где-то дерутся и ведут тяжбу, в другом месте, плача, справляют поминки по мертвым. Увидел он и новобрачных, почивающих в постели, и, сказав кратко, увидел все, что ни есть в мире хорошего и дурного. И так, пролетая мимо, увидел Авраам мужей, вооруженных мечами, державших в руках мечи те заостренные, и спросил Авраам архистратига: “Кто они?” И сказал архистратиг: “Люди сии – воры, задумавшие сотворить убийство, кражу и душегубство”. Сказал же Авраам: “Господи, Господи, услышь голос мой и повели, чтобы вышли звери из чащи и пожрали их!” И только сказал он это, как вышли звери из чащи и

пожрали людей тех...И увидел он в другом месте мужа и жену, творящих прелюбодеяние, и сказал: "Господи, Господи, повели, чтобы разверзлась земля и поглотила их!" ... И увидел он еще в другом месте людей, копающих под дом и расхищающих чужое имущество, и сказал: "Господи, Господи, повели, чтобы сошел огонь с небес и пожрал их!"

Перед Авраамом проходят целые миры Ветхого и Нового завета, закона и благодати, иудеев и христиан, Авеля и Каина. Перед ним предстают и евангельские события: иудеи с мечами стремятся уничтожить непризнанного мессию – Христа. Муж и жена свершают брачный пир Христа и Премудрости, а вместе с ними и все христиане. Становится ясным: все беды и гнев Божий на головы народа - иудеев и христиан - на самом деле призвал Авраам. Он также губит тех, кто, как воры, насильно домогаются любви Бога и стараются войти в Царство небесное, подкапываясь под Него (Мф.22:43).

«Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4:4). Став другом Бога, Авраам сделался врагом для мира: те разрушения, что он осуществляет, происходит по воле Бога. Так же действуют слуги Бога – ангелы-истребители, насылающие несчастья на евреев.

Созидать и давать жизнь может только Бог. На всех трех этапах Авраам проклинал людей и не пожелал никому хорошего, каждый раз принося в жертву мир, а потому оказался проклятым и обреченным сам.

Если не остановить Авраама, принявшего образ титана, мир никогда не начнет жить.

Идет по свету великан жестокий,
С высот не замечая род людской.
И всюду разрушений след глубокий,
Как будто смерч несется над землей.
Он из камней возводит столп высокий,
Чтоб солнце ухватить своей рукой.
(Микеланджело¹²)

Великан – проявленная форма Бога, Авраам. Этот Князь мира сего господствует в воздухе (Еф.2:2), где идет духовная брань. Ему важны свои цели и место в этом мире, а народ для него – тягловые рабочие. Авраам строит себе плацдарм внизу и желает добраться до неба. Он возводит при помощи закона и своей праведности вавилонскую башню, чтобы сравняться с Богом и диктовать свои условия всем богам. Нечто похожее можно найти в видении Толстого:

Я во сне стоял на белом, колеблющемся возвышении. Я говорил людям все то, что было в моей душе и чего я не знал прежде. Мысли мои были странны, как во сне, но невольно облекались вдохновенным, размеренным словом. Я удивлялся тому, что говорил, но радовался, слушая звуки своего голоса. Я ничего не видал, но чувствовал, что вокруг меня толпились незнакомые мне люди и все мои братья. Вблизи они дышали. Вдали бурлило море, темное, как толпа. Когда я говорил, от моего говора по всему лесу пробегал ветер. И этот ветер возбуждал восторг в толпе и во мне. Когда я замолкал, море дышало. И море и лес была толпа. Глаза мои не видели, но все глаза смотрели на меня — я чувствовал их взгляды. Я бы не мог устоять,

¹² Микеланджело Буонарроти, Детская литература. Л., 1987. 147 с.

ежели бы они не держали меня своими взглядами. Мне было тяжело и радостно. Они двигали мною, также как я двигал ими. Я чувствовал в себе власть, и власть моя над ними не имела пределов. (Л. Толстой. Сон¹³)

Аскет, достигший высокой нравственности, работает ради своих целей и достигает такой святости, что мир уже не может существовать в его присутствии. Его воля имеет огромный вес: причинно-следственные связи и механизмы работают нерушимо, сам Бог никогда не станет отрицать их.

Религиозная позиция Толстого, бичующего в своей проповеди церковные институты, близка к позиции Авраама на этом этапе. Обвинения Толстого в духовной гордыне со стороны православной церкви имеют сложный символический смысл, а по-человечески они несправедливы – он искренне ищет истину, проходя сложный участок духовного пути. Опять обратимся к поэтическому комментарию.

Человек замечает, что взор его слишком велик,
будто есть в нем такой, от него не зависящий, опыт:
если глянет сильнее – невинную жизнь опалит,
и на розовом лике останется шрам или копоть.
(Б. Ахмадулина¹⁴)

Праведник-проповедник, гордый своими заслугами, – самое страшное явление для этого мира, поскольку он видит его греховную природу и стремится уничтожить ее вместе со всем остальным. Бог вынужден останавливать деятельность Авраама по улучшению мира, иначе тот просто исчезнет. В последние времена, когда греховная природа исчерпана и дурные состояния больше не возвращаются, только начинается пристойная и комфортная человеческая жизнь, бледные щеки *женщины* (проявленного мира) розовеют. Однако именно в этот момент праведники выступают беспощадными судьями мира (и даже ангелов) и сжигают его. Последние времена – деяния Авраама, а не Бога. Как все переворачивается по сравнению с тем временем, когда милосердный Авраам защищал всех людей, даже граждан Содома и Гоморры...

И тут был с неба глас архистратигу, говорящий: "Повели, Михаил архистратиг, остановить колесницу и верни назад Авраама, дабы не увидел он всей вселенной; ибо если увидит всех, живущих в грехе, погубит он все мироздание. Ибо вот, не грешил Авраам и не щадит грешников, Я же сотворил мир и не желаю погубить ни одного из них, но ожидаю смерти грешника, дабы жил он и мог покаяться. Вознеси же Авраама к первым вратам небесным, чтобы посмотрел он там на суды и воздаяние, и пусть покается перед душами грешников, которые он погубил".

Здесь снова раскрывается двуединая диалектика творения мира (для умирающего – уже внутреннего!) Богом и человеком-Авраамом-Адамом. Договор, заключенный с Богом, ведет к *обрезанию* – мучениям всего народа, потери оснований жизни. Праведник опасен для мира, поскольку видит его преступным. «И любит он проклятие – и оно пришло на него, и не желал благословения – и оно удалилось от него» (Пс. 108:17). Созидать и давать

¹³ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. — Художественные произведения: В 18 т. — М.: Наука, 2000. Т. 4: — 2001. — С. 252

¹⁴ Белла Ахмадулина Стихотворения и поэмы. Дневник. Эксмо, 2012, С.523

жизнь может только Бог. Авраам же проклинал и не пожелал никому хорошего, каждый раз принося в жертву мир. Если не остановить его, дерево жизни окажется срубленным. Весь мир будет погублен, когда Авраам до конца сорвет плод познания, как пытались сделать Адам и Ева.

6. В следующем действии Авраам наблюдает сцену Страшного Суда. Иван Ильич – тоже работник суда, куда он в прежней жизни равнодушно ходил, и вот теперь все его представления о справедливости оказываются опрокинуты.

Суд идет! Суд идет! Иван Ильич всю жизнь свою сам судил - он знает, что задача правосудия состоит в том, чтобы отделять правых от виноватых по однажды навсегда установленным принципам и воздавать всем по заслугам за их дела. Но это новое фантастическое правосудие - ничего общего с земным судом не имеет. Для него нет норм и законов, для него нет правых - пред ним все виноваты, и особенно тяжело виноват тот, кто подчинялся законам и в добровольном подчинении законам видел свою добродетель. Этого Иван Ильич вынести не может - его совесть старого испытанного судьи возмущается против такого требования. Ведь новый "страшный" суд стирает всякое различие между добром и злом! (Л. Шестов. На весах Иова¹⁵)

Если отойти от традиций классической литературы, здесь можно вспомнить «Процесс» Ф. Кафки, где безжалостный Суд также не затрудняет себя излишними формальностями и логикой...

И увидел Авраам души, во множестве загоняемые ангелами через широкие врата, и увидел души другие, немногие числом, вносимые ангелами через узкие врата. Снаружи пред теми двумя вратами увидел мужа, восседавшего на золоченом престоле. И был вид того человека ужасен и подобен он был властелину.

Перед Авраамом предстают две скрижали – добра и зла. Царь закона – законодатель Моисей, умерший на горе при входе в землю обетованную; символически он же - первый умерший Авель, первочеловек Адам, в теле которого живет мир. Через широкие врата проходят те, кто услышал Слово, но не пошел к своему спасению, не последовал ему, а закончил свой путь среди толпы в церкви. *Узкие врата* (игольное ушко) – путь избранных, на котором совершается истинное обрезание – обрезание сердца.

Ибо врата сии широкие есть врата грешников, ведущие к гибели и на вечную муку. Потому же первозданный Адам и падает с престола своего, плача и рыдая о гибели грешников, что много гибнущих душ, спасаются же немногие: на семь тысяч насилу находится одна спасающаяся душа.

Судья осуществляет закон через этические категории радости и горя. Спасается одна душа из символического числа 7000 (семерка – человеческий путь восхождения), воплощающая категорию Единого. Ошибка коллективизма губительна и для иудеев, и для христиан.

И посередине между двух врат высился там престол ужасный, видом напоминавший ужасный кристалл, сиявший как огонь. И восседал на нем муж дивный, солнцеликий, подобный Сыну Божию. Перед ним же стоял стол кристалловидный, весь в золоте и виссоне. Поверх же стола положена была книга: толщина ее – шесть локтей, ширина же ее – десять локтей.

¹⁵ Л. Шестов. Соч в 2 т., М., Наука, 1993. Т.2. С. 135

Впереди же стола восседал ангел светлый, держащий в руке своей весы, а слева от него – ангел весь огненный, безжалостный и суровый, в руке своей держащий трубу, в ней же – огонь всепожирающий, испытующий грешников.

Огненный же и безжалостный ангел, держащий в руке своей огонь, есть архангел Пируил, имеющий власть над огнем, и посредством огня испытующий людские дела; и если чье дело сгорает в огне, тотчас хватает того человека ангел и от суда уносит его в место наказания грешников, горше которого нет. Если же дело кого из людей выдержит испытание огнем и не загорится от него, бывает оправдан тот человек (ср. 1Кор.3:15), и берет его ангел праведности, и относит ко спасению, в удел праведников. Так, праведнейший Авраам, все и всегда испытывается огнем и весами.

Символические размеры книги – один к шести; кристалл – единое знание.

Равновесие весов, срединное состояние дают *асаны* йоги. *Труба* – средний канал *сушумна* в позвоночнике человека, через который течет энергия - *прана*, имеющая огненную природу и дающая вечную жизнь. Огненное испытание проходит только тот, кто уже сжег свои грехи. Сожженного второй раз не поджаришь...

И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. (Откр. 20:14)

Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет. (Откр. 20:6)

Сама смерть обречена на гибель – что она заберет с собой? «Смертью умрешь» (Быт.2:17) – по-еврейски смерть-смерть, *смерть вторая*. Все должны пройти через смерть и провести через нее свои грехи. Они и сгорают в очищающем адском пламени. В пассивном состоянии этот процесс весьма мучителен. Когда же это очищение происходит сознательно и выполняется по всем правилам, оно не столь болезненно. Как говорит Эливсинская надпись,

Воистину прекрасно таинство, дарованное нам блаженными богами:
смерть для смертных уже не зло, но благословение.

Смерть уже не лишит тебя бессмертия, но избавит от скорбей и забот о бренном – все они обретут конец. Если механизмы греха разрушены, накопленные кармические последствия уже не столь страшны. Совершенство – уничтожение причин своих дурных деяний, накопленные последствия уже не так страшны. Важно разрушить механизм воспроизведения зла. Бессмертие – шутка смерти, смерть можно одолеть только смертью.

И вот, ангел, держащий душу в руке своей, вынес ее и поставил перед судьей. И, открыв книгу, нашел тот в ней поровну грехов и добродетелей, и не отдал душу ту ни наказующим, ни спасающим, но поставил ее посередине.

Одна (единая) душа спасается, найдя срединный путь. Избегая крайностей добра и зла, она становится неподсудной и недосягаемой (ср. Откр.3:16). «Одна она голубица моя, чистая моя» (Песн. Песн.6:9) – согласно каббалистическому трактату Зогар, это трон славы, единственная душа.

Внизу трясет, быть может, временами,
Но здесь ни разу эта высота

Не сотряслась подземными ветрами.

Дрожит она, когда из душ *одна*
Себя познает *чистой*, так что встанет
Иль вверх пойдет; тогда и песнь слышна.

Знак очищения – если воля взманил
Переменить обитель, и счастлив,
Кто, этой волей схваченный, воспрянет.

Душа и раньше хочет; но строптив
Внушенный божьей правдой, против воли,
Позыв страдать, как был грешить позыв.
(Данте. Чистилище 21:55-66, курсив наш¹⁶)

Критерий истины – вне наших физических ощущений. Чистый механизм восприятия – работа с вниманием, тонким органом человеческой сущности. Если мы научились направлять его, - мы достигаем *срединного состояния* и становимся чисты, поскольку избегаем эмоциональных переживаний и телесных рефлексов, проходящих через логическую сферу и органы чувств.

В срединном состоянии (в йоге – состояние *самадхи*) чаши весов уже не шелохнутся. Когда после долгих практик найдена точка равновесия, человек становится абсолютно свободен и проходит мимо судей незамеченным: его не видит даже Бог. «Только будь тверд и очень мужествен, и тщательно храни и исполняй весь закон... не уклоняйся от него *ни направо, ни налево*, дабы поступать благоразумно во всех предприятиях твоих» (Иис. Нав. 1:7).

Ибо всякий человек произошел от первозданного [Адама] и потому сначала здесь предстает перед судом сына его. Во второе же пришествие будут все судимы двенадцатью коленами Израилевыми – всякое дыхание, и всякое творение. В третий же раз – всеобщим Владыкой Богом судимы будут. И тогда, наконец, близок будет тот суд к окончанию, и ужасен будет приговор, и нет избавителя. Так, в три ступени совершится суд над миром и воздаяние – и потому одним свидетелем или двумя не устанавливается непреложно истинность сказанного, но всякая речь подтверждается тремя свидетелями (ср. Втор 19:15).

На трех этапах суда и утраты грехов (три дня страданий Ивана Ильича!) человек проходит через *трех пророков*, три этапа авраамической религии. В позитивной форме они отражаются как три высшие добродетели – вера, надежда, любовь. Если человек дотянул до последнего страшного суда, где палачом будет сам Бог, спасения уже не будет ни в какой религии.

Путешествие заканчивается в той же точке, где оно начиналось. Авраам возвращается к своему обычному милосердию, моля о грешниках. Погубленные воскресают.

И пришел с неба голос, говорящий: “Авраам, Авраам, услышал Я голос твой и просьбу твою и отпускаю тебе грех, тех же, о ком ты думаешь, что Я погубил их,

¹⁶ Данте Алигьери. Божественная комедия, пер. М. Лозинского, М., Правда, 1982, С.287-288

обратно призвал Я и к жизни вернул по крайней благодати Моей. Потому отложил Я до срока суд над ними, ибо те, кого сам Я гублю из живущих на земле, Смерти преданы уже не бывают”.

На третьем этапе Бог вовремя остановил разрушительную деятельность Авраама, после которой сохранился *остаток* народа – основа для новой жизни. Но Авраам опять отказывается умереть, и Архангел не может победить его праведность.

И никто из людей не может равняться с ним – даже Иов, удивительный человек.

Сила Авраама в том, что он все время говорит о своей вере, ссылается на могущество Бога и превозносит Его обетования. Бог также не может отказаться от этой дружбы. Праведный Иов, совершив огромную работу для Бога и став Его сотворцом, требовал соблюдения обетований и дошел до предела в своих обличительных речах против Него, но еще не начал борьбы с Ним на деле. Авраам идет дальше и отваживается на это.

7. Тогда Всевышний говорит: «Призови ко Мне сюда Смерть, прозванную “бесстыжий лик” и “безжалостный вид”»... И, придя в великом страхе, стала Смерть пред Незримым Отцом, дрожа, трясясь и стеноя, ожидая повеления Владыки.

Авраам уже все понял и не верит мужским словам, но для его приходится обмана находится другой способ. На *четвертом* этапе в дело вступает *женщина*. Смерть – входящая в каждый дом *блудница*, которая трепещет перед Богом – воплощением жизни. Первая жена Авраама Сарра обобрала его и забрала себе жемчуг, вторая заберет его душу.

И вот, говорит Незримый Бог Смерти: “Ты, горестное и дикое для мира имя, скрой дикость твою, спрячь гниль твою, горечь же твою сбрось с себя, навлеки на себя красу твою и всякую славу твою, и сойди к другу Моему Аврааму, и возьми его, и приведи его ко Мне. Но и ныне говорю тебе: не испугай его, но возьми лестью, ибо искренний друг он Мне”. Отошла Смерть от лица Всевышнего и навлекла на себя одежды блестящие, и сделала облик свой подобным Солнцу, и стала красива и прекрасна превыше всех сынов человеческих.

Бог велит скрыть смерти свой истинный лик тлена. Представ праведницей, более прекрасной, чем сам Христос, она может проповедовать в виде земной церкви и говорить красивые, но ложные слова о добром и хорошем, благодати и спасении.

...И вот, аромат благоуханный начал доходить до него и сияние света. Обернувшись же, увидел Авраам Смерть, идущую к нему во mnogой красе и славе.

Уставший терпеть Авраам верит прекрасному и, наконец, попадает в ловушку. Он думает, что Бог наконец готов исполнить Свои обетования, на которые в глубине души Авраам всегда надеялся. Светлые «воспоминания о любви к женщине» посещают и умирающего Ивана Ильича. Ее образ предстает и в видении Толстого:

Я увидел женщину, мне стало стыдно, и я остановился. Толпа не успела исчезнуть, и ветер все еще шумел по ней. Толпа не расступилась, но женщина спокойно пошла посередине толпы и не соединялась с нею. Мне стало очень стыдно, я хотел опять колебаться и говорить, но слов не было. Я не мог обманывать себя. Я не знал, кто она была, но в ней было все, что любят, и к ней сладко и больно тянула непреодолимая сила. Она посмотрела и на меня, но только на одно мгновение. Она равнодушно отвернулась. Я смутно видел очертанья ее лица; но спокойный взгляд ее остался во мне. В ее взгляде была кроткая насмешка и чуть заметное сожаленье. Она ничего не понимала из того, что я говорил, и не жалела о том, что не понимает, а

жалела обо мне. Я не мог вынуть из себя ее взгляда. Она не презирала меня. Она видела наш восторг и жалела. Она была полна счастья. Ей никого не нужно было, и поэтому я чувствовал, что без нее нельзя жить. Дрожащий мрак закрыл от меня ее всю. Я заплакал. Я сбросил с себя стыд и плакал о прошедшем невозвратимом счастье, о невозможности будущего счастья, о чужом счастье... (Л. Толстой. Сон¹⁷)

Роковая ошибка мужчины, ведущая к соращению и гибели, – увидеть женщину такой, как она себя заявляет, поверить ее лживой красоте и затем – любым словам. Авраам тем легче поддается соблазну, что женщина – мать Исаака, высшего блага для любящего отца.

Говорит тут Смерть: “Авраам праведнейший, се, скажу тебе правду: я – горькая смерти чаша”. Говорит ей Авраам: «Быть того не может, ведь ты – великолепие мира, ты – краса и слава ангелов и человеков, ты прекраснее, чем всякая красота, и ты будешь говорить мне: “Я – горькая смерти чаша”, и не скажешь: “Я – самое прекрасное из благ”?»

Самый лучший способ солгать – сказать утрированную правду; Авраам запутывается в переворотах, зеркальных отражениях и инверсиях, которыми мастерски владеет смерть.

Здесь напрашивается еще один отрывок из «Смерти Ивана Ильича» (гл. 11):

Он причастился со слезами на глазах. Когда его уложили после причастия, ему стало на минуту легко, и опять явилась надежда на жизнь. Он стал думать об операции, которую предлагали ему. «Жить, жить хочу», – говорил он себе. Жена пришла поздравить; она сказала обычные слова и прибавила:

– Не правда ли, тебе лучше?

Он, не глядя на нее, проговорил: да. Ее одежда, ее сложение, выражение ее лица, звук ее голоса – все сказало ему одно: «Не то. Все то, чем ты жил и живешь, – есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть». И как только он подумал это, поднялась его ненависть и вместо с ненавистью физические мучительные страдания и с страданиями сознание неизбежной, близкой гибели. Что-то сделалось новое: стало винтить, и стрелять, и сдавливать дыхание.¹⁸

Чаша (сосуд) – символ женщины и одновременно таинства причастия, приобщения к запредельному через внутреннее состояние человека. Церковное причастие описано во многих произведениях Толстого как внешний формальный ритуал. Оно не могло удовлетворить его жажды истины и являлось для него болезненным вопросом, ставшим одним из главных разногласий с православной церковью.

Сказал же Авраам: “Прошу тебя, когда ты и есть Смерть, скажи мне: ко всем ли ты приходишь в подобной красе, славе и совершенстве?” И сказала Смерть: “Нет, господин мой Авраам, но это твои добродетели, бездонное море гостеприимства твоего и величие любви твоей к Богу сделались венцом вокруг головы моей. В красе, в полном покое и с лестью на устах подступаю я к праведникам. К грешникам же прихожу в великой гнили и дикости, с величайшей горечью и с видом диким и безжалостным”.

Умирая с улыбкой на устах, праведники поддаются на тот же соблазн. Не получив дара от Бога при жизни, нельзя получить его и на ложе смерти, где человека ждет последний проигрыш. Тут уж любые человеческие надежды и молитвенное благочестие бесполезны. «И поклоняйся Господу твоему, пока не придет к тебе смерть – истинное знание» (Коран 15:99). Здесь мы сталкиваемся еще с одним парадоксом (смысловым переворотом) в ином, зазеркальном мире. *Грешниками* названы те, кто не поддаются

¹⁷ Там же

¹⁸ Собр. соч. в 22 т. М.: Худ. лит., 1978. Т.12. 1982. С.105

обману и не признают красоты и блага смерти. Стремясь к спасению, они готовы к борьбе, чтобы уничтожить смерть.

Сказал же Авраам: “Прошу тебя, вземли мне и яви дикость твою, и всю гниль твою и горечь”... Тогда совлекла с себя Смерть всю свою красу и прелесть, и всю славу и вид солнцеподобный, который приняла, и облачилась в одежды тирана. И сделала лик свой мрачным – лютее, чем лик всевозможных зверей, и всяческой нечистоты нечистее. И явила она Аврааму головы дракона огненные числом семь, и лики числом четырнадцать, дышащие огнем и великою лютостью: и темный лик, и мрачный лик ехиднин, и лик кручи ужаснейшей, и лик аспида лютый, и лик льва ужаснейшего, и лик змеи рогатой и василиска...

Перед Авраамом, проходят все апокалиптические видения. Если перейти на психологический язык, это образы внутреннего мира. *Семь голов* – семь христианских церквей, истинное лицо женщины, оседлавшей зверя (Откр.17). В последние времена (по индийской терминологии – в эпоху Кали-юги) именно женщина начинает Апокалипсис, создавая соответствующее учение. У высшего бога есть еще более высший – Кала, Время, которое несет смерть.

Когда происходит очищение и торжествует смерть, места для жизни уже нет, но нет и обмана. *Третья часть* – конец *договора*, когда каждый получает свою меру благодати, а все статисты становятся лишними. Те герои, которые раньше превозносились и проходили перед нами во славе, в конце мира предстают в своем ужасном демоническом облике.

Страшные видения преследуют и Ивана Ильича в его последние три дня; судя по тексту Толстого, мы можем догадываться, что он видел нечто похожее на виденное Авраамом:

С этой минуты начался тот три дня не перестававший крик, который так был ужасен, что нельзя было *за двумя дверями* без ужаса слышать его. В ту минуту, как он ответил жене, он понял, что он пропал, что возврата нет, что пришел конец, совсем конец, а сомнение так и не разрешено, так и остается сомнением.

– У! Уу! У! – кричал он на разные интонации. Он начал кричать: «Не хочу!» – и так продолжал кричать на букву «у».

Все три дня, в продолжение которых для него не было времени, он барахтался в том черном мешке, в который просовывала его невидимая непреодолимая сила. Он бился, как бьется в руках палача приговоренный к смерти, зная, что он не может спастись; и с каждой минутой он чувствовал, что, несмотря на все усилия борьбы, он ближе и ближе становился к тому, что ужасало его. Он чувствовал, что мученье его и в том, что он всовывается в эту черную дыру, и еще больше в том, что он не может пролезть в нее. Пролезть же ему мешает признание того, что жизнь его была хорошая. Это-то оправдание своей жизни цепляло и не пускало его вперед и больше всего мучало его...

Столь же многочисленные картины в быстром темпе проходят перед умирающим князем Андреем в конце «Войны и мира». Хотя его борьба со смертью и страхом кажется более возвышенной и благородной, чем у простого чиновника – несчастного Ивана Ильича, ее основные этапы все те же.

Он видел во сне, что он лежит в той же комнате, в которой он лежал в действительности, но что он не ранен, а здоров. Много разных лиц, ничтожных, равнодушных, являются перед князем Андреем. Он говорит с ними, спорит о чем-то ненужном. Они собираются ехать куда-то. Князь Андрей смутно припоминает, что все это ничтожно и что у него есть другие, важнейшие заботы, но продолжает говорить, удивляя их, какие-то пустые, остроумные слова. Понемногу, незаметно все эти лица начинают исчезать, и всё заменяется одним вопросом о затворенной двери. Он встает и идет к двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Оттого, что он успеет или не успеет запереть ее, зависит все. Он идет, спешит, ноги его не двигаются, и он знает, что

не успеет запереть дверь, но все-таки болезненно напрягает все свои силы. И мучительный страх охватывает его. И этот страх есть страх смерти: за дверью стоит оно. Но в то же время как он бессильно-неловко подползает к двери, это что-то ужасное, с другой стороны уже, надавливая, ломится в нее. Что-то не человеческое – смерть – ломится в дверь, и надо удержать ее. Он ухватывается за дверь, напрягает последние усилия – запереть уже нельзя – хоть удержать ее; но силы его слабы, неловки, и, надавливаемая ужасным, дверь отворяется и опять затворяется.

Еще раз оно надавило оттуда. Последние, сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно вошло, и оно есть смерть. И князь Андрей умер.¹⁹

В ходе этой неравной борьбы князь Андрей уступает. Подчиняется и Иван Ильич:

Вдруг какая-то сила толкнула его в грудь, в бок, еще сильнее сдвинула ему дыхание, он провалился в дыру, и там, в конце дыры, засветилось что-то. С ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь вперед, а едешь назад, и вдруг узнаешь настоящее направление.

Символ двери, перехода в иной мир не раз встречается в Библии, особенно в

Апокалипсисе (Откр.3:8,20; 4:1), и в других древних текстах.

Ударю я в дверь страны без возврата,
Открою я врата преисподней,
Подниму я мертвых, чтоб живых пожирали, -
Станет меньше тогда живых, чем мертвых!
(Эпос о Гильгамеше²⁰)

Однако это еще не конец предсмертного испытания. Человек продолжает бороться за свои нравственные понятия, за свою личность, свободу и волю.

На этом не кончается еще описание страшного суда. Иван Ильич много уступил, но не все. Главного не уступил. Его все еще продолжает тянуть к прошлому. Хотя он и видит, что возврата нет, что пришел конец, совсем конец, хотя он и убедился, что его прежняя жизнь была сплошной отвратительной ложью, закрывшей от него истинную действительность, но он все же боится с ней расстаться: неизвестное будущее кажется ему более страшным, чем дурное, но знакомое прошлое. Все еще, хотя в таком разжиженном виде, остается признание, что "жизнь его была хорошая"... Последний отчаянный прыжок в неизвестность - то дерзновение, на которое не мог отважиться сам Иван Ильич, сделала за него вдруг какая-то другая сила. Не прошлые "заслуги", не собственная "воля", не проницательность "разума" вырвали Ивана Ильича из общего всем - сперва столь "приятного", потом в такой же мере ужасного мира. (Л. Шестов. На весах Иова²¹)

Последний страшный день мира – Судный день – происходит по особым правилам.

Как говорит индийская Махабхарата, «Царь усопших в срок конца [мира] яростно обрушивается на живые существа». Последний судья – великий царь Мелхиседек, Князь иного мира. Будучи воплощением высших категорий добра и нравственности, в конце он оказывается истребителем всех живых существ. Погибнут те из них, кто в конце мира еще не обратился к истине и не находятся в запредельном (зазеркальном) состоянии. Все жестокие дела Ветхого завета (истребление народа, кровавые жертвоприношения) совершаются этим Князем смерти. Те, кто приняли вечного Врага всего живого в качестве спасителя и начали служить ему, обречены на гибель. Искать спасения за счет кого-то другого в последние времена – страшная ошибка: этот другой обязательно станет провокатором, соблазнителем и искусителем, а в конечном счете убийцей (Иоан. 8:44).

Царь смерти любыми путями расширяет свое царство; кланяться ему нельзя ни при каких обстоятельствах. Этот царь – человекобык Минотавр, собственный эгоизм; он должен быть побежден и обезврежен в своем лабиринте, по которому мы пытаемся

¹⁹ Л.Н. Толстой. Собр. соч. в 91 т. М.: Худ. лит., 1928-1958. Т.12.. С.63-64

²⁰ СПб; Наука, 2006, 212 с

²¹Л. Шестов. Соч в 2 т., М., Наука, 1993.Т.2. С. 137-138

пройти вместе с Авраамом и героями Толстого. Тот, кто добровольно перешел в запредельное (зазеркалье, реальное небытие, зону смерти) через личное постижение истины, доберется до этого врага, а сам окажется спасен и недосягаем для царя смерти. Проделав все это и победив, он тем не менее останется жив, а не будет потусторонним мертвецом. Такой уже никогда не погибнет насильственной смертью: он сам установит сроки бытия для своего тела.

И от великой горечи и дикости умерли слуги и служанки числом до семи тысяч, и сам праведный Авраам стал на волосок от смерти, так что чуть было не испустил дух. И тогда, увидев такое, сказал пресвятой Авраам Смерти: “Прошу тебя, всегубительная Смерть, скрой свою дикость и навлеки на себя красоту и приятный вид, какой был у тебя прежде”.

Смерти нужно бояться лишь в начале духовного пути, когда она еще не пришла; сейчас такая роскошь уже непозволительна: поздно. Испугавшись теперь, блистательный и благородный Авраам теряет всю свою силу. Он больше не хочет правды и отказывается от дурного, стремясь к приятному и цепляясь за благочестивые формы.

Опасности бойся, когда опасности нет;
Когда же она пришла, бесстрашно вступай в борьбу.
Если без боя – смерть, а с боем надежда на жизнь,
Тогда, говорят мудрецы, настало время для боя.
(Хитопадеша²²)

Высшей *опасностью* для всего живущего является запредельный Бог, создавший проявленный мир для смерти и собирающий жатву. Когда наступает Судный день, человечеству угрожает исход в следующий мир и нужно искать средство для перехода в другое – неведомое – состояние. *Приход опасности* означает приближение встречи с Богом, неизбежной борьбы с главным Другом и Врагом. Лишь тот, кто отваживается на эту борьбу, имеет надежду на жизнь.

Встав же, пал Авраам ниц на земную твердь, моля Господа, и Смерть с ним; и ниспослал Бог дыхание жизни на мертвых, и возвращены они жизни.

Слуги Авраама напрямую прошли через смерть при жизни. Затем все переворачивается – смерть оживляет их, а сам он оказывается в руках смерти. Однако Авраам из последних сил продолжает спор. Самосохранение – один из главных законов добра. «Жить, жить хочу», - говорит себе Иван Ильич. Соглашаясь умереть даже из высших соображений, ничего хорошего для себя не получишь – никаким обещаниям здесь верить нельзя.

Если все же хочешь, чтобы я пошел с тобой, разъясни мне все свои превращения.

Женщина – *майя*, великая иллюзия, все время находящаяся в неизъяснимых превращениях. Авраам пытается выиграть время, постигая тайны апокалиптических событий. Однако, как говорит притча Будды о стреле, в такой ситуации нужно действовать – сделать спасительный выбор и выдернуть стрелу, а не рассуждать и

²² Хитопадеша. Индийские притчи. М., Эксмо, 2000, 480 с.

заниматься метафизическими вопросами, изучая ее происхождение и свойства. Затягивающая болтовня – губительная форма смерти. В горящем доме не время рассуждать о пожаре. Нужно не ждать и надеяться, а действовать.

Лик же огня явила я тебе потому, что многие умирают, сжигаемые огнем, и в лике огня видят лик смерти... Лик же мощного потока, бурлящего водоворотами, явила тебе потому, что многие, нашествием многих вод захваченные и могучими потоками унесенные, захлебываются и погибают, до срока видя смерть.

Шехина (женское начало, символизирующее присутствие Бога в мире) является причиной всех перечисленных катастроф (например, по преданию она утопила египтян в Черном море). Праведники, принявшие слова смерти за чистую монету, проходят через всевозможные виды бедствий, о чем говорит и каноническая Библия (ср. Евр. 11:33-40).

В тексте «Завещания» отражены и этапы пути Христа, за которым следует умирающий, – схождение с дерева-креста, падение в пропасть ада, горение в огне любви. Спуск в царство тьмы, который осуществил Христос, неизбежен. Несмотря на все приносимые страдания, смерть уничтожает не только хорошее, но и плохое, а потому способна нести благо. Она обрезает черное прошлое – *крайнюю плоть*, накопленные деяния и события, которые могут к тебе вернуться, если вовремя не избавиться от них. Ошибкой будет пытаться оставить себе только хорошее и, пребывая в состоянии совершенной чистоты, вознестись в небеса. После переживания абсолютного блага оно способно превратиться в абсолютно черные плоды. Нельзя ограничиваться блаженными мирами и бояться входить в угрожающие низшие состояния – нужно преодолеть их все; страх лишь заставит тебя упасть в них снова.

Сказал же Авраам Смерти: “Отойди от меня еще ненадолго, чтобы мог я отдохнуть на ложе моем, ибо едва дышу: оттого, что смотрят на тебя глаза мои, иссякли силы мои, и все члены тела моего воистину кажутся мне тяжелыми, словно из свинца, дух же мой весьма печалится. Посторонись немного, ибо сказал я, что не могу выносить твоего вида”.

Благодать достигается через болезненное состояние. Истинное спасение в высших буддийских учениях наступает тогда, когда человек перейдет от состояния могучего негнибавшего воина к смирению, сокрушению и расслаблению. Тяжело больному, лежащему на постели среди нечистот мира, уже безразлично отношение родственников, толпящихся вокруг (здесь опять можно вспомнить, как Иван Ильич с недоумением и даже раздражением смотрит на хлопоты родных); ему совершенно не интересны любые религиозные ценности, даже само спасение. Только в этом смысле возможно примирение Бога и Авраама, сверхчеловеческого и человеческого.

Пройдя все этапы мытарств, Иван Ильич умирает:

Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.

Вместо смерти был свет.

– Так вот что! – вдруг вслух проговорил он. – Какая радость!

Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его клокотало что-то; изможденное тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало клокотанье и хрипенье.

– Кончено! – сказал *кто-то над ним*.

Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. «Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше».

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер.

Время по ту сторону меняет свое течение, причинно-следственные связи рушатся.

Когда смерть пришла, ее больше нет. Как и Иван Ильич, доверчиво принимает смерть праведный Авраам.

И сказала Смерть Аврааму: “Вот, поцелуй правую руку мою, и да возвратятся к тебе веселье, жизнь и сила”. Ибо Смерть обманула Авраама. И поцеловал он руку ее, и тотчас прилепился душа его к руке Смерти, и тут же предстал Михаил архангел со множеством ангелов.

Зеркало отражает, кольцо замыкается. «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою...» Смерть, целующая руку, – символически иерихонская блудница Раав, жалящая змея-кундалини. По еврейскому преданию, все праведники и патриархи, которых не смог одолеть ангел смерти, умирают после поцелуя Шехины.

Женщина завершает и объединяет все три этапа, принося смерть, которую Песнь Песней (8:6) сравнивает с любовью. Здесь нет однозначности – ведь Она, Ева (евр. *Хава* - жизнь), символизирует и вечно повторяющееся бытие. Она сопровождает князя Андрея в его последнем сражении со смертью, когда он, миновав предыдущие этапы пути, обретает новые сверхчеловеческие смыслы любви.

Князь Андрей не только знал, что он умрет, но он чувствовал, что он умирает, что он *уже умер* наполовину... Прежде он боялся конца. Он *два раза* испытал это страшное мучительное чувство страха смерти, конца, и теперь уже не понимал его. Первый раз он испытал это чувство тогда, когда граната волчком вертелась перед ним и он смотрел на жнивье, на кусты, на небо и знал, что перед ним была смерть. Когда он очнулся после раны и в душе его, мгновенно, как бы освобожденный от удерживавшего его гнета жизни, распустился этот цветок любви, вечной, свободной, не зависящей от этой жизни, он уже не боялся смерти и не думал о ней. Чем больше он, в те часы страдальческого уединения и полубреда, которые он провел после своей раны, вдумывался в новое, открытое ему начало вечной любви, тем более он, сам не чувствуя того, отрекался от земной жизни. Все, всех любить, всегда жертвовать собой для любви, значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью. И чем больше он проникался этим началом любви, тем больше он отрекался от жизни и тем совершеннее уничтожал ту страшную преграду, которая без любви стоит между жизнью и смертью. Когда он, это первое время, вспоминал о том, что ему надо было умереть, он говорил себе: ну что ж, тем лучше. Но после той ночи в Мытищах, когда в полубреду перед ним явилась та, которую он желал, и когда он, *прижав к своим губам ее руку*, заплакал тихими, радостными слезами, любовь к одной женщине незаметно закралась в его сердце и опять привязала его к жизни... Это была та последняя нравственная борьба между жизнью и смертью, в которой смерть одержала победу. Это было неожиданное сознание того, что он еще дорожил жизнью, представлявшейся ему в любви к Наташе, и последний, покоренный припадок ужаса перед неведомым.²³

На заключительный вопрос Пер Гюнта, который ищет свой последний приют, Сольвейг, обнимая и прижимая его к себе, отвечает: “В надежде, вере и любви моей!”

Наступает четвертая часть – *Кали-юга*, эпоха железной власти женщины:

Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей,
Не такой тебя встречал я прежде

²³ Л.Н. Толстой. Собр. соч. в 91 т. М.: Худ. лит., 1928-1958. Т.12.. С. 60-61

В трубном вое, в бешенстве мечей.
(Н. Гумилев. Смерти²⁴)

В самые последние времена все видения и откровения заканчиваются (или, словами Апокалипсиса – по ту сторону времени уже не будет). Авраам – великий праведник и царь людей – не спасается, но находит свою смерть.

8. В «Завещании Авраама» все библейские персонажи, подобно актерам в конце спектакля, последовательно снимают маски и предстают в своем истинном облике. Такое разоблачение позволит избежать губительной опасности, которая легко возникает во всякой религии, – принять ложь и приятные иллюзии за правду. Кажется, это понял и Иван Ильич (гл. 11).

Он лег навзничь и стал совсем по-новому перебирать всю свою жизнь. Когда утром он увидал лакея, потом жену, потом дочь, потом доктора, каждое их движение, каждое их слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Он в них *видел себя*, все то, чем он жил, и ясно видел, что все это было не то, все это был *ужасный, огромный обман, закрывающий и жизнь и смерть*.²⁵

Занавес закрывается. Звучит скорбный монолог-эпитафия Авраама, которую передают стихи замечательного венгерского поэта:

Хватит! Опускайте крышку гроба!
Я уже довольно насмотрелся,
Чтобы облик светлый и печальный
Навсегда во мне запечатлелся,
Чтоб он жгучей болью *в сердце* вьелся.
(Ш. Петефи²⁶)

Аврааму уже никогда не избыть страданий, которые он претерпел от Бога (находящегося внутри него!) за свою долгую жизнь. Он слишком устал, чтобы вдохновляться высокими идеалами; теперь он готов запереться хоть в преисподнюю.

Дальнейшее, как говорит шекспировский Гамлет перед своим концом, покрыто молчанием. Даже описание на библейском языке символов теряет смысл, когда мы подходим к бездне смерти, когда все теряется в Едином. Но источники оптимизма все же есть, хотя здесь не помогают глубочайшие теоретические познания. Чистая созерцательная теория должна завершиться чистой практикой. В последних главах книги Иова ее многострадальный герой, потерявший все имущество и детей, мечтавший составить юридическую *запись* (Иов 31:15), призывает бурю.

Я задремал, главу понуря,
И прежних сил не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою.
(А.К. Толстой²⁷)

²⁴ Собр.соч. в 4 томах / Вашингтон: Victor Kamkin, Inc., 1962. — Т. 1. — С. 50

²⁵ Собр. соч. в 22 т. М.: Худ. лит., 1978. Т.12. 1982. С.105

²⁶ Шандор Петефи. Стихотворения. Поэмы. М., Худ. лит., 1976, 636 с.

²⁷ Соч. в 2-х т. — М.: Художественная литература, 1981. — Т. 1. с. 236

После *сна* (смерти, ухода в запредельное) обязательно наступает пробуждение. Нужно одержать вторую победу, пробудиться, восстать и как-то восстановить свои жизненные силы. Пока спасение не предложено в активной форме, – ты не победил. Научить другого человека смотреть в лицо смерти и сознательно умереть (то есть приобщить его к высшему) – только начальный этап, а самое сложное - оживать (перейти в свое прежнее состояние). После осознанной смерти, «пройдя долиной смертной тени» (Пс.22:4), необходимо совершить работу по новому рождению. Тогда Иов окажется прав в споре с Всевышним, все будет ему возвращено.

Бог победил Авраама, но не получил его богатства – того, что составляет высокое человеческое предназначение. Несмотря на все призывы Бога и архангела Михаила, патриарх так и не оставил никакого *Завещания*. Куда же делось наследство Авраама и в чем оно состояло? Что оставляет после себя человек, важного в вечности, такого, в чем нуждается даже Бог?

Подобные вопросы перекликаются с посмертными судьбами и героев Толстого, и его самого (странным образом, судьба его завещания и литературного наследства оказалась не менее захватывающей, чем история его жизни).

Последняя загадка так и остается неразрешенной – она требует личного духовного опыта, усилия и труда читателя. Так или иначе, ему предстоит пройти весь путь Авраама (человека-Адама-Христа), описанный нами лишь в символах, чтобы встретиться со смертью, вступить с ней в борьбу и постараться одержать решительную победу.